

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**Л.В. ПОПОВ, доцент
Н.Х. РОЗОВ, профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова**

Предтеча высшего образования в России

В статье рассматриваются предпосылки создания и история открытия, становления и преобразований первого отечественного вуза – Славяно-греко-латинской академии.

Ключевые слова: *высшая школа, история высшего образования в России, Славяно-греко-латинская академия, академические идеи, автономия.*

Основанию в 1685 г. первого российского вуза, известного как Славяно-греко-латинская академия, предшествовал длительный и трудный период «вызревания» идеи о необходимости создания отечественной высшей школы, острейшего идеологического противоборства между сторонниками создания высших учебных заведений и их противниками [1]. Были и практические попытки решения этой задачи. Так, еще в царствование Бориса Годунова в самом конце XVI в. предпринималась попытка создания в Москве университета. С этой целью в Германию была направлена специальная миссия для приглашения известных профессоров, однако никто из них до Москвы не доехал. Вскоре на рубеже XVI–XVII вв. царем проводился «эксперимент» по зарубежной подготовке высококвалифицированных кадров. Для получения образования в западноевропейские университеты за казенный счет была направлена группа из специально отобранных 18 молодых людей. Эта затея также провалилась: в Россию после учебы вернулся только один «молодой специалист» – Г. Котошихин.

Многое сделал в начале XVII в. для наведения порядка в делах церковных Патриарх Филарет – отец царя Михаила Федоровича Романова. Во исполнение решений Стоглавого Собора 1551 г. о распространении просвещения Патриарх открыл православную школу. Создававшаяся по гречес-

ким образцам во имя утверждения веры, воспитания разума и нравственности, она просуществовала до 1634 г.

В 40-х гг. XVII в. любимец царя Алексея Михайловича, окольничий Ф.М. Ртищев, пригласил из Киева около 30 ученых монахов для организации школ в Андреевском монастыре, где молодые дворяне и сам Ртищев обучались греческому и латинскому языкам, риторике, философии. Епифаний Славинецкий возглавил греко-латинскую школу в Чудовом монастыре. В 60-х гг. священник Иван Фомин на свои средства построил школу в Барашихах при Введенской церкви. В 1665 г. открылась школа в Заиконоспасском монастыре, во главе которой встал Симеон Полоцкий. В этой школе подьячих обучали русской грамматике и латинскому языку. Спустя два года открылся «гимнасион» (приходская школа) при церкви Иоанна Богослова в Китай-городе. В 1681 г. была основана школа при Печатном дворе. Монах Тимофей учил в этой школе греческому языку 30 учеников. Относительно уровня всех этих школ нет однозначной информации. Ряд отечественных исследователей утверждают, что в Спасской школе, например, учили не только пиитике и риторике, но и богословию, истории, философии и диалектике. А это уже уровень тогдашней высшей европейской школы. Многие источники не подтверждают эти данные, но, так или иначе, почва для создания в Москве академии была подготовлена.

К тому же она была обильно удобрена и невиданным ранее богатством печатной отечественной учебной литературы. Так, букварь В. Бурцева, впервые увидевший свет в 1634 г., многократно переиздавался. Стоил букварь одну копейку, что было очень дешево для того времени. Была издана грамматика Мелетия Смотрицкого, по которой много позже учился М. Ломоносов. В конце века напечатаны букварь Кариона Истомина, монаха Чудова монастыря Московского Кремля, а также практическое руководство по счету. Всего за вторую половину XVII в. Печатный двор выпустил 300 тысяч букварей, огромное количество другой учебной литературы светского и религиозного характера.

По поводу даты основания первой российской академии до сих пор ведутся споры. Некоторые источники называют годом основания Академии 1687-й, когда учебное заведение переехало в собственное специально построенное для него здание в монастыре Всемилоствитого Спаса, известное под названием Заиконоспасский монастырь. Другие считают годом ее основания 1685-й, когда учебное заведение фактически начало свою работу, первоначально – в древнем Богоявленском монастыре под руководством братьев Иоанникия и Софрония Лихудов.

Интересным представляется характер изменения официальных названий академии от ее основания до сегодняшних дней: первоначально «Эллино-греческая», затем с (1701 по 1775 гг.) – «Славяно-латинская», с 1775 по 1814 гг. – «Славяно-греко-латинская» и, наконец, с 1814 г. по настоящее время – «Московская духовная академия». Чтобы лучше понимать причины подобных изменений в названиях, нужно иметь в виду, что в России в те времена ожесточенно и с переменным успехом боролись партии латинистов и грекофилов.

Одним из главных инициаторов создания академии считается просветитель, поэт и педагог Симеон Полоцкий (1629–1680). Он приехал из Полоцка в Москву в 1661 г., где стал учителем царских детей, воспитателем и наставником царевича Федора Алексеевича, старшего брата Петра I. Именно в недолгие годы правления царя Федора Алексеевича Романова (1676–1682) сложились основные положения академического проекта. В 1678 г. С. Полоцким была написана так называемая Академическая привилея (Учредительная грамота)¹ [2]. Ее основные идеи:

- 1) академия должна стать всесловным центром подготовки высокообразованных кадров для государства и церкви;
- 2) академия контролирует деятельность других образовательных учреждений и даже домашних учителей, а также ведет цензуру религиозных книг и вершит суд над отступниками от православия;
- 3) вводится обучение языкам (славянскому, греческому, латинскому и польскому), а также основной набор обязательных курсов классического университетского образования, так называемые «семь свободных искусств» и курсы высшего знания – богословия;
- 4) в соответствии с европейскими традициями об университетской автономии ученики и преподаватели могут быть подсудны только ректору и патриарху;
- 5) обучение в Академии должно быть бесплатным, предусматривается студенческое стипендиальное и пенсионное (для пожилых преподавателей) обеспечение.

Симеон Полоцкий имел самое прямое отношение к Киево-Могилянской академии, созданной в самом начале XVII в. [3]. Она была основана европейски образованным (сначала в Голландии, а затем во Франции) украинским общественным деятелем и Киевским митрополитом Петром Моги-

¹ «Привилея» С. Полоцкого опубликована Н. Новиковым в «Древней российской вивлиофике» (Ч. V. С. 390–420), рукопись хранится с ГИМ, Синод. Собр. № 44.

лой. И неудивительно, что многие ее инновации послужили в качестве образцов для Московской академии. Если же искать более дальних «университетских предков», то окажется, что некоторые академические идеи были заимствованы Киево-Могилянской академией у основанного в XIV в. Ягеллонского университета в Кракове. Последний являлся прямым наследником древнейших европейских средневековых университетов – Болонского и Парижского, удивительным образом аккумулировав в себе обе модели. Созданный первоначально (1364 г.) по болонской модели (студенты имеют право выбирать ректора из своей среды), он уже с 1400 г. переходит преимущественно на парижскую модель (ректор избирается профессорами).

Однако не только теоретические идеи доходили до Москвы из Ягеллонского университета. Были и практические связи. Так, интересным представляется факт получения в 1532 г. степени бакалавра Краковского университета неким студентом по имени *Johanes Theodori Moscus*, впоследствии известным как «первопечатник» Иван Федоров.

Уже после смерти С. Полоцкого в 1682 г. его ученик Сильвестр Медведев (1641–1691) добился принятия Привилеии к утверждению царем Федором Алексеевичем, а в 1685 г. план создания академии получил благословение Патриарха. Интересно, что сама идея создания учебного заведения «наук гражданских и духовных» исходила от членов партии латинистов (С. Полоцкого и С. Медведева), однако первоначально его возглавили грекофилы.

Греческие ученые-богословы братья Иоанникий и Софроний Лихуды прибыли в Москву по рекомендации от патриарха Константинопольского Дионисия. Братья учились в Константинопольской патриаршей школе, затем в Венеции, где занимались у знаменитого Герасима Влаха, и, наконец, завершили свой полный курс образования девятилетним обучением в Падуе,

получив докторские степени Коттонианской академии. Лихуды обладали энциклопедическими знаниями и опытом преподавания философии и богословия у греков и южных славян.

Они прибыли в Москву в 1685 г. и с самого начала занятий еще в Богоявленском монастыре начали обучение греческому языку, потом ввели курс риторики [4]. По большинству предметов учебники составлялись по образцам ведущих европейских университетов. В частности, сохранившиеся в рукописях учебники «Риторики», «Логики», «Психологии», «Физики» были построены на трудах Аристотеля и его комментаторов в духе поздней схоластики с использованием сведений из тогдашней западной философии. В учебные материалы Лихуды включили, например, труды Аристотеля, Демокрита, Кампанеллы, многочисленные примеры из литературных произведений и богословских текстов. Братьев Лихудов признают поэтами и создателями фонда учебной философской литературы.

Однако были влиятельные силы, считавшие их образовательную деятельность излишне гуманитарно-ориентированной. Им инкриминировали, в частности, и их латинское образование в университете Падуи, и то, что они, как писал иерусалимский патриарх Досифей, «забавляются около физики и философии, вместо того, чтобы учить иные учения...». В результате уже в 1694 г. братья Лихуды были отстранены от преподавания в Академии – за «латинство». Руководить ею стали ученики братьев Лихудов – Федор Поликарпов и Николай Семенов, преподававшие в этом учебном заведении пиитику, риторику и грамматику.

Между тем петровские реформы набирали силу. Протектором академии утверждается митрополит Стефан (Яворский). Латынь возвращается в академию, а сама она в 1701 г. получает статус государственной академии. Ректором назначается Паладий Роговский, ставший первым россия-

нином – обладателем западноевропейских степеней доктора философии и богословия.

При всех трудностях академия в самый первый период своего существования быстро развивалась. Так, после переезда в 1687 г. в Заиконоспасский монастырь в ней обучалось 104 ученика, через два года – уже 163, а к началу XVIII в. – более 600. Такова была тяга к образованию и нужда в нем, отсюда потребность государства и общества в квалифицированных кадрах [5].

В течение всего славяно-латинского периода (1700–1775 гг.) академия поворачивается в сторону западного просвещения, преподавание велось уже на латинском языке, преподавателей, наставников, а иногда и учеников, часто вызывали из Киева. Академию возглавляли ректор и префект, первый отвечал за преподавание и за работу наставников, второй наблюдал за учениками. Наставники, помимо преподавания, вели испытания лиц, определяемых на церковную службу, участвовали в переводах церковных книг. Ректоры и префекты академии увещевали иноверцев, отступников от веры и раскольников, рецензировали духовные сочинения.

Академия с самого своего основания стала всесословным учебным заведением – принимала людей «всякого чина и сана». Здесь учились дети простолюдинов, купцов, церковнослужителей и знати. Национальный состав учащихся был также очень широк, сословные различия были зафиксированы во внутренних распорядках. В частности, стипендия у княжеских детей составляла золотой в месяц, а у детей простых и «подлых» (т.е. самых бедных) людей – полтина серебром. Так жил, обучаясь в академии, Михайло Ломоносов. Он вспоминал об одном алтыне стипендии в день, из которого на пропитание можно было брать по одной денежке на хлеб и квас, а остальное – на бумагу, обувь и другие нужды. Отметим, что всесословный принцип обучения просуществовал лишь до

1727 г., когда прием в академию «детей солдатских и крестьянских» был полностью запрещен.

Обучение в академии было построено на трех уровнях – школах или классах. Сначала подготовительный уровень, так называемая «русская школа». Затем переход в «школу греческого книжного писания», где изучали славянскую и греческую грамматику и латынь. Только после освоения этих предметов ученики переводились в высшую школу, где преподавались дисциплины высшей ступени обучения: риторика, диалектика, философия, физика и богословие. В частности, полный курс философии предполагал изучение физики (естественной мудрости), этики (нравственной мудрости) и метафизики (умозрительной мудрости) [6]. Наиболее одаренные ученики проходили полный академический курс за 12–13 лет; были и те, кто в течение 15-ти лет едва достигали высшего философского класса; самые слабые учились по 20 лет, оставаясь в одном классе по несколько лет.

Ученики старших классов помогали преподавателям и учительствовали в младших классах. Это не было только следствием нехватки педагогических кадров – такова была традиционная корпоративная академическая политика (так называемая ланкастерская система обучения). Старшие ученики не только учили, но и опекали младших, становились для них примером. В ходе такой своеобразной педагогической практики происходило профессиональное самоопределение, отбор будущих преподавателей. Недаром из стен академии вышла целая плеяда великих профессоров, авторов замечательных учебников. Вспомним имена Михаила Ломоносова, Федора Поликарпова, Леонтия Магницкого, а также таких выдающихся выпускников, как поэт и дипломат Антиох Кантемир, первый русский доктор медицины Петр Постников, этнограф и географ Степан Крашенинников, архитектор Василий Баженов и др.

Судебная автономия Московской ака-

демии была прописана в Академической привилегии Симеона Полоцкого и была дополнительно закреплена в царском указе от 20 ноября 1706 г. Причем это были не только слова. Многочисленные факты свидетельствуют о реальном действии судебной автономии. Например, за побитие в 1711 г. студентов академии во дворе польского резидента Шпрингера посол дорого заплатил – и официально (допросом и высылкой виновных поляков), и неофициально – серьезным «побитием».

В Московской академии готовили священнослужителей и богословов, учителей и преподавателей, специалистов для государственной службы. В частности, велась подготовка переводчиков, справщиков (редакторов) и медиков. Причем потребность в образованных кадрах у ряда ведомств была столь велика, что, несмотря на возмущение и сопротивление академической администрации, многие студенты, не окончив полного курса, покидали академию и поступали на службу. Самый большой «отток» студентов происходил в сторону Московского госпиталя, где особо высоко ценилось знание студентами латинского языка. Благодаря хорошо поставленному обучению на двух первых ступенях (общее и языковое образование) академия давала возможность своим воспитанникам успешно продолжить обучение в других учебных заведениях – математических, инженерных и др. Об уровне образования в академии говорят и успехи ее выпускников, решивших продолжить образование в самых престижных университетах Европы. Так, например, один из выпускников Петр Постников с большим успехом и в сжатые сроки завершил программу европейского послеуниверситетского образования и в 1694 г. стал первым русским доктором философии знаменитого Падуанского университета – того самого, докторами наук которого были братья Лихуды.

Академия решала задачи подготовки кадров и по специальностям, обучение по

которым еще не велось. В частности, уже в первой четверти XVIII в. для обучения турецкому, арабскому и персидскому языкам учащихся начали отправлять за границу. Интересно, что для этого отбирали учеников из «подлых» (самых бедных) слоев населения. Их же отправляли и на другие непрестижные тогда направления, например, для изучения «наук литературных» – во Францию. Кстати, тогдашняя студенческая мобильность была двунаправленной: не только российские студенты ехали учиться за границу, но и академия принимала на учебу иностранных студентов, причем по разрешению Синода (1721 г.) они были приравнены к отечественным учащимся [7]. Лучшие ученики академии направлялись и в официальные заграничные миссии. Так, в 1725 г. при организации Пекинской миссии в Китай вместе с послом С.В. Рагузинским были направлены Лука Воейков, Федор Третьяков и Иван Шестопалов. В 1733 г. при открытии Камчатской миссии туда было направлено 12 студентов.

Московская академия была также главным источником пополнения слушателями учебного подразделения Санкт-Петербургской академии наук. В частности, в такой группе лучших московских студентов был и М.В. Ломоносов, приехавший в Санкт-Петербург в конце 1735 г. для продолжения образования и для подготовки к дальнейшему заграничному обучению. Практика обязательного «выписывания» студентов из Московской академии для учебы в Санкт-Петербургской академии наук была закреплена в Регламенте Академии наук (1747 г.).

В 1775 г. академия стала именоваться Славяно-греко-латинской, преподавание преимущественно велось на русском языке, а студентам было предписано посещать лекции в Московском университете. Вместе с тем светский характер учебного заведения постепенно шел на убыль и усиливалась богословская направленность вуза. Впрочем, именно в этот период учебный

план академии обогатился целым рядом новых курсов по изучению не только церковного Устава и церковной истории, но и гражданской истории, истории философии, медицины.

Данный период (1775–1814 гг.) в истории академии характеризуется целым рядом учебных нововведений, расширением научно-богословской деятельности, множеством благоустройств. Так, улучшилось материальное положение учебного заведения, повысилось содержание наставников, для учащихся была устроена бурса, значительно увеличилась библиотека. Эти процессы в условиях реформы церковного образования начала XIX в. закономерно привели к переименованию и преобразованию учебного заведения в Московскую Духовную Академию (1814 г.). Тогда же по решению Синода академия была переведена в Сергиев Посад, в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где она существует и поныне.

Вот уже почти двести лет Московская Духовная Академия ведет, развивает и совершенствует богословское обучение и образование. При ней открыт церковно-археологический кабинет, который стал крупнейшим церковным музеем в России. Академия готовит церковных ученых, преподавателей духовных школ, а также высококвалифицированных специалистов для общецерковных и епархиальных структур и органов управления. В последние годы в академии введены отделения и специализации, позволяющие готовить профильных специалистов по важнейшим направлениям церковной науки: библеистике, циклу богословских и церковно-практических дисциплин, церковной истории.

Среди многочисленных нововведений отметим сравнительно недавнее (февраль 1998 г.) учреждение греко-латинского кабинета. Одним из самых важных направлений его деятельности стала организация регулярных занятий учащихся по классическим языкам — древнегреческому и латин-

ска — это не только важное практическое действие для совершенствования учебного процесса, но и знаковое событие, своеобразное возвращение к истокам, свидетельство памяти о корнях, о своей истории.

Жизнь продолжается. В современном российском образовательном пространстве появляется новый активный субъект с таким хорошо знакомым и знаковым для всех именем — Славяно-Греко-Латинская Академия. На сайте академии (<http://www.sgla.ru>) мы можем познакомиться с фрагментами истории СГЛА, с бессрочной государственной лицензией Рособразования (октябрь 2011 г.) на право ведения образовательной деятельности по широкому кругу образовательных программ высшего образования и программ профессиональной переподготовки. Одиннадцать институтов академии, и среди них Открытый институт теологии (Богословия), три научно-исследовательских центра, тридцать факультетов и восемьдесят кафедр — впечатляющая структура даже для самых крупных российских вузов.

Литература

1. Богданов А.П. Борьба за организацию славяно-греко-латинской академии // Советская педагогика. 1989. № 4. С. 128–134.
2. Фонкич Б.А. «Привилея на Академию» Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева» // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 237–297.
3. Збандуто С.Ф. Киевская Академия XVII–XVIII вв. // Советская педагогика. 1946. № 7.
4. Яламас Д.А. Столкновение представителей греческой и латинской культур в Москве во второй половине XVII столетия (некоторые эпизоды из жизни братьев Лихудов) // Научные доклады филологического факультета МГУ. 1990. Вып. 2. С. 120–122.
5. Рогов А.И. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // История СССР. 1959. № 3. С. 140–147.
6. Храмушин С.Н. История Славяно-греко-латинской академии. М., 2006. С. 32–38.
7. Вознесенская И.А. Московская Славяно-

греко-латинская академия в первой трети XVIII века // Россия и христианский

Восток. Вып. II-III. М.: Индрик, 2004. С. 518–523.

POPOV L., ROZOV N. THE FORERUNNER OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

The article considers preconditions of creation and the history of opening, formation and transformations of the first Russian higher education institution – Slavic Greek Latin Academy in Moscow.

Key words: higher school, history of higher education in Russia, Slavic Greek Latin Academy, academic ideas, autonomy.

А.А. СОЛОВЬЕВ, доцент
Ивановская государственная
сельскохозяйственная академия
им. академика Д.К. Беляева

Статус – «вузовская»:
библиотека
Демидовского лицея

Статья посвящена истории зарождения и развития фундаментальной библиотеки Демидовского лицея в Ярославле, о которой ранее практически не было публикаций на страницах печати. Анализируется качественный и количественный состав библиотечного фонда, выявлен круг людей, которые внесли наибольший вклад в становление и развитие библиотеки как научного и культурно-просветительного центра.

Ключевые слова: Демидовский лицей, фундаментальная библиотека, фонд юридической литературы.

В дореволюционной России лицеи являлись привилегированными учебными заведениями. Лицейская программа совмещала в себе учебные дисциплины средней и высшей школы. В Российской империи всего насчитывалось шесть лицеев. До начала XX в. просуществовали только три из них, в том числе Ярославский юридический и знаменитый Царскосельский. Лицей в Ярославле представлял собой главный научный центр в губернии, да и во всем Верхнем Поволжье. Ныне действующий Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова ведет свое происхождение от Ярославского юридического лицея.

Появилось данное учебное заведение благодаря инициативе и стараниям *Павла Григорьевича Демидова* (правнука знаменитого горнозаводчика Никиты Демидова). На его создание он пожертвовал 100 тысяч рублей. В 1803 г. было получено высочайшее разрешение от императора Александра I, который подписал указ об учрежде-

нии Ярославского высших наук училища (именно таково первоначальное название лицея). Его торжественное открытие состоялось весной

1805 г. после проведения всех необходимых подготовительных работ. По значимости училище уступало только университетам, а с 1811 г. аттестаты его выпускников стали приравниваться к дипломам российских университетов. Обучались в нем, как правило, дети небогатых дворян, а также представители духовенства, купечества и мещанского сословия.

В 1833 г. Ярославское училище было преобразовано в Демидовский лицей, который находился в подчинении Москов-